

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
Ленинградское отделение

ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ
И ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ
НАРОДОВ ВОСТОКА

ХУШ ГОДИЧНАЯ НАУЧНАЯ СЕССИЯ
ЛЮ ИВ АН СССР
(доклады и сообщения)
1983-1984

Часть I

Издательство "Наука"
Главная редакция восточной литературы
Москва 1985

13. Известия о разных трудах ... с. 438; Ученые труды Ф.Ф.Шармуа... с. 46.
14. Lettre de Tutundju-Oglou Moustafa-Aga. St.-Pbg., 1828.
15. [Ф.-В.Шармоу]. Observations d'un philologue européen sur la Lettre de Tutundju-Oglou Moustafa-Aga... St.-Pbg., 1828.
16. Geschichte des Osmanischen Reiches, durch Joseph von Hammer. Bd.V. Wien, 1829, с. 718.
17. Ф.Шармуа. Набег крымских татар на Польшу в 1653 по р.х. или в 1063 году Эгиры. - ЖМНП. СПб., 1834, ч. 4, отд. 2, с. 1-23.
18. Издание в свет Истории Мазандерана и Табаристана. - ЖМНП. СПб., 1845, ч. 45, отд. 7, с. 45.
19. Relation de Mas'ouûdy et d'autres auteurs musulmans sur les anciens Slaves, par Charmoy. - "Mémoires de l'Académie Impériale des Sciences". St.-Pbg., 1833, T. 2, p. 297-408.
20. Expédition de Timouâr-i-Lenz ou Tamerlan contre Togtamiche, khân de L'ouloûs de Djoûtchy, en 793 de l'hégire ou 1391 de notre ère par M.Charmoy. - "Mémoires de l'Académie Impériale des Sciences". St.-Pbg., 1835, t. 3, с. 89-505.
21. Ученые труды Ф.Ф.Шармуа ... с. 46.
22. ЦГИА, ф. 733, оп. 12, ед.хр. 440, л. 14.
23. Ф.-В.Шармоу. Sur l'utilité des langues Orientales pour l'étude de l'histoire de Russie. St.-Pbg., 1834.
24. Ф.-В.Шармоу. Analyse critique des principaux ouvrages orientaux publiés en Russie depuis l'année 1830 jusqu'en 1835 inclusivement. - "Journal Asiatique", Paris. 1837, t. IV, N° 21-22, с. 253-290.
25. р. I, оп. 6, ед.хр. 17.
26. Конспект "Персидской грамматики" Ф.Ф.Шармуа сохранился среди материалов другого его ученика, впоследствии известного историка Востока, В.В.Григорьева (1816-1881) - см: ЦГИА, ф. 853, оп. I, ед.хр. 215.
27. П.С.Савельев. О жизни и трудах Ф.Ф. Шармуа ... с. 10, 14.
28. См. письмо Ф.Ф.Шармуа Х.Д.Френу от 6 сентября 1845 г. - опубли. в кн.: П.С.Савельев. О жизни и трудах Ф.Ф.Шармуа ... с. 13-14.

А.М.Куликова

НОВЫЙ ДОКУМЕНТ ОБ ОБУЧЕНИИ РУССКИХ КИТАЙСКОМУ И МАНЬЧЖУРСКОМУ
ЯЗЫКАМ ПРИ РОССИЙСКИХ МИССИЯХ В ПЕКИНЕ

18 июня 1700 г. Петр I издал "именный" указ, который вошел в историю как первое правительственное распоряжение о целенаправлен-

ном обучении русских восточным языкам. Указ касался двух вопросов: "о налаживании государственного торго" с китайцами и о распространении "исподволь в Китае и в Сибири" христианства. В связи с последним обстоятельством киевскому митрополиту повелевалось найти и прислать в Тобольск "добрых и ученых не престарелых иноков дву или трех человек, которые бы могли китайскому и мунгальскому языкам и грамоте научитись".¹

Осуществление приведенного выше указа Петра I в отношении китайского языка² связано с деятельностью российских духовных миссий в Пекине.

В течение XVIII века (1714–1794 гг.) было отправлено восемь таких миссий, в составе которых находились лица, обязанные изучать китайский и маньчжурский языки.³

Лишь немногие ученики, выделяясь своими успехами, стали не только практическими знатоками указанных языков, но и первыми в России китаистами и маньчжуроведами. Одно из первых мест среди них занимает А.Л.Леонтьев – автор документа, предлагаемого далее вниманию читателей.

Алексей Леонтьевич Леонтьев (Леонтиев, Левонтьев) (1716–1786 гг.)⁴ образование получил в Москве: в Славяно–греко–латинской академии и в школе китайского и маньчжурского языков при Коллегии иностранных дел.

Его первым учителем восточных языков был китаец или маньчжур по происхождению Чжоу Гэ (после крещения Федор Петров, умер в 1751 г.).⁵ В этой школе А.Л.Леонтьев вместе с другим учеником Андреем Канаевым обучался с августа 1739 г. по начало 1741 г.: 7 марта 1741 г. Ф.Петров написал записку об отправке учеников в Петербург.⁶

В 1743 г. А.Л.Леонтьев в составе IУ миссии уехал в Пекин, где прожил 20 лет и где не только в совершенстве овладел языками, но и стал специалистом по истории Китая и Маньчжурии.

После возвращения в Россию (1755 г.) и до своей смерти в 1786 г. он служил переводчиком в Коллегии иностранных дел.⁷ За этот период он издал более 20 трудов, являвшихся переводами китайских и маньчжурских сочинений со сведениями по истории, географии, филологии, законодательству Китая и сопровождавшихся его обширным и содержательным комментарием. С начала 1760–х гг. А.Л.Леонтьев неоднократно пытался наладить преподавание китайского и маньчжурского языков в школе при Коллегии иностранных дел.

Приведенные биографические данные убеждают нас в том, что

известия об обучении русских в Пекине восточным языкам А.Л.Леонтьев получал из первых рук и что его сообщение по этому вопросу заслуживает доверия.

Публикуемый документ хранится в Центральном гос. архиве древних актов в Москве.⁸ Это "дело из архива МИД" "О учениках которые учились китайскому и манжурскому языкам", подписанное "надворным советником Алексеем Леонтиевым" (!). То, что документ составлен от лица надворного советника и в форме обзора или отчета, наводит на мысль, что это ответ на официальный запрос руководства Коллегии иностранных дел по названному вопросу. А.Л.Леонтьев описывает отрезок времени с 1728 г. по 1780 г. Причем им выделяются три периода: 1) 1728-1755 гг., 2) 1755-1770 гг., 3) 1770- [1780] гг.

О первом периоде А.Л.Леонтьев сообщает, что "по трактату между российским и китайским государствами, заключенному в 1728-м году, постановлено графом Савою Владиславичем содержать в Пекине для обучения китайского и манжурского языков, учеников российских по шести человек. С того времени, хотя оныя и не переводились, но не в полном всегда комплекте, и в разные годы до 1755 года переслано было туда из России всех тринадцать, а в Россию вывезено только шесть человек, но и из сего числа один Леонтиев удостоен служить при Коллегии годным, и ныне служит надворным советником. А прочие пять человек служили в разных командах и должностях".⁹

В число шести вернувшихся в Россию учеников помимо А.Л.Леонтьева, вероятно, входили Иван Пухарт (Бухарт) (в Петербург вернулся около 1733 г., служил в Академии наук кописистом), Федор Третьяков (умер вскоре после возвращения на родину), Илларион Калинович Россохин (с 1741 г. был определен в Академию наук "для переводов и обучения языкам" и своей деятельностью положил начало seriouslyму изучению Китая), Алексей Владыкин (в Россию вернулся в 1746 г., служил переводчиком китайского и маньчжурского языков в якутском пограничном полку, в 1755 г. повторно ездил в Китай с торговым караваном), Иван Быков (в Россию вернулся в 1746 г., пытался устроиться на службу в Коллегию иностранных дел и в Академию наук, но получил отказ; дальнейшая его судьба не известна).¹⁰

Второй период (1755-1770 гг.) А.Л.Леонтьев характеризует следующим образом: "В 1755-м году трибунал китайской тех российских учеников, которыя присланы были в Пекин на смену тамо находившимся не оставил, сказавши, что в трактате не положено учеников российских навсегда содержать в Пекине, и что можно обучать их ныне в России. С сего времени не было учеников в Пекине по 1770-й год".¹¹

15-летний перерыв в обучении русских учеников в Пекине не

случайно начинается с 1755 г. Именно тогда в Россию вернулся А.Л. Леонтьев, о способностях и успехах которого китайские власти имели правильное представление. В 1763 г. по его инициативе ("чтоб в России знающие тамошние языки люди вовсе не перевелись") им было начато при Коллегии иностранных дел обучение китайскому и маньчжурскому языкам "четырёх учеников, взятых из семинарий, но из сих один толко явился годным, а три через короткое время перестали учиться".¹²

В 1768 г. представитель российской стороны полковник Кропотов, находясь в Кяхте, предложил компромиссное решение: он "изтребовал от китайских амбанев принять в Пекин толко четырёх российских учеников, а двух еще к дополнению по трактату комплетного числа, предоставил обучать в России Леонтиеву".¹³ Это предложение было принято китайской стороной, и с 1770 г. возобновилось пребывание русских учеников при пекинских миссиях.

В период с 1770 г. по 1780 г., по сведениям публикуемого документа, подготовка практических китаистов и маньчжуроведов в России велась двумя путями: при российских миссиях в Китае и в Петербурге, в школе, где языки преподавал А.Л.Леонтьев.

В 1770 г., впервые после 15-летнего перерыва, в состав очередной миссии включили четырех учеников, а в 1780 г. им на смену отправили еще четырех человек.¹⁴ В период шестой миссии (с 1770 г.) обучались языкам Алексей Парышев, Алексей Агафонов, Федор Бакшеев, Яков Коркин. В период седьмой миссии (с 1780 г.) - Егор Салертовский, Антон Владыкин, Иван Филонов, Алексей Попов.

Что касается преподавательской деятельности А.Л.Леонтьева в петербургской школе, то помимо точной даты ее открытия - 1763 г. - документ сообщает несколько интересных подробностей: Мы узнаем, что среди посланных в Пекин в 1770 г. учеников один был "из обучавшихся у Леонтиева". Последнему вскоре поручили "вновь обучать двух учеников, из коих явился один годной, а другой откинут".¹⁵ С 1778 г. в школе у А.Л.Леонтьева появился новый ученик, "котораго обучает он болше одному манжурскому языку, а к китайскому не принуждает, по тому, что сему языку, не токмо здесь, но и в Пекине учится трудно, а особливо писму и чтению, как он Леонтиев собою имел опыты многия".¹⁶ Следовательно, школа китайского и маньчжурского языков при Коллегии иностранных дел существовала, вероятно, с перерывами с 1763 г. по начало 1780-х гг., и все это время в ней преподавал А.Л.Леонтьев.

В заключение в публикуемом документе приводится важная цифра: в момент составления обзора в России "всех учеников" китайского и маньчжурского языков насчитывалось 10 человек. Из них в Пекине -

четверо, "сюда возвращаются" - четверо, в Кяхте - один, в Петербурге - один.

Документ не датирован, однако сравнение приведенных в нем дат и событий позволяет отнести его к 1781-1782 гг.

Систематическая подготовка практических востоковедов при российских миссиях в Пекине - одна из интересных и важных страниц истории отечественного востоковедения. Каждый архивный документ по этой теме заслуживает пристального внимания, поскольку только сравнительное изучение широкого круга источников позволяет в конечном итоге восстановить истинную картину процесса зарождения и становления китаеведения и маньчжуроведения в России.

1. Полное собрание законов Российской империи, собрание I (далее - ПСЗРИ-I). Т.4, № 1800, с. 59-61.
2. Преподавание второго из названных в указе Петра I языков - "мунгалского" - было организовано на 10 лет позднее китайского, в 1725-1726 гг. при Вознесенском монастыре в Иркутске. - См.: С.К. Булич. Очерк истории языкознания в России. Т.1. СПб., 1904, с. 194-195.
3. Подробнее см.: Иеромонах Николай [Адоратский]. История Пекинской духовной миссии. Вып. 1-2. Казань, 1887; он же. Об источниках истории пекинской духовной миссии в первый и второй периоды ее деятельности. - "Православный собеседник". Казань, 1888, январь, ч.1, с. 148-156; Н.И.Веселовский (редакция и предисловие). Материалы для истории Российской духовной миссии в Пекине. Вып. 1, СПб., 1905; Булич, ук.соч., с. 371-380; Н.В. Кюнер. История Пекинской духовной миссии, приложение к работе: Новейшая история стран Дальнего Востока. Ч.П (Обзор сношений Китая с европейскими державами с XVI столетия до 1842 года). Вып. 3 (Сношения с Россией). Владивосток. 1910, с. 64-87; П.Е.Скачков. Очерки истории русского китаеведения. М., 1977, с. 36-40, 61-66, 76-79.
4. Об А.Л.Леонтьеве см.: А.В.Стренина. У истоков русского и мирового китаеведения. - "Советская этнография". М.-Л., 1950, № 1, с. 170-177; В.К.Пашков. Вклад русских ученых в изучение маньчжурского языка и письменности. - "Краткие сообщения Института востоковедения". М., 1956, т. XVIII, с.5; Скачков, ук.соч., с. 66-76 и др.
5. П.Е.Скачков. Первый преподаватель китайского и маньчжурского языков в России. - "Проблемы востоковедения". 1960, № 3, с. 199-201.
6. Архив внешней политики России, ф. Внутренние коллежские дела, ед. хр. 1325, 1365.

7. Указ о назначении А.Л.Леонтьева переводчиком Коллегии иностранных дел датируется 5 апреля 1756 г - [Адоратский], История Пекинской духовной миссии, вып. 2, Казань, с. 221.
8. ЦГАДА, ф. 17, Наука, литература, искусство, оп. 1, ед.хр. 75, л. 1-2 об. Документ с этим шифром упомянут в работе П.Е.Скачкова. Очерки истории русского китаеведения (с. 370, № 95). Данные о содержании документа здесь отсутствуют. Автор не установлен (сравни архивные материалы А.Л.Леонтьева - там же, с. 396-398).
9. ЦГАДА, ф. 17, оп. 1, ед.хр. 75, л. 1. Речь идет о генеральном трактате между Россией и Китаем, ратифицированном в Кяхте 14 июня 1728 г., пункт 5 которого разрешал пребывание в доме российского посла С.В.Рагузинского "четырех мальчиков учеников и двух побольшаго возраста". - См.: ПСЗРИ-1, т.8, № 5286, с. 49-53.
10. Веселовский, ук.соч., с. 168; Булич, ук.соч., с. 368-376; Скачков, Очерки ..., с. 40-52, 63-64.
11. ЦГАДА, ф. 17, оп. 1, ед.хр. 75, л. 1-1 об.
12. Там же, л. 1 об. -2.
13. Там же, л. 2.
14. Там же, л. 2.
15. Там же, л. 2.
16. Там же, л. 2.

Е.И.Кычанов

ВИДЫ КИТАЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ДО ДИНАСТИИ ЮАНЬ (XIII в.)

Законы появились в Китае с глубокой древности. Право возникло вместе с возникновением древнекитайского государства как его нестемлемая часть. В период "Весны и осени" (722-481 г. до н.э.) законы записывали на бронзовых треножных сосудах, а в период "Воюющих царств" (403-221 г. до н.э.) Ли Гуи из государства Вэй составил первый свод законов из шести глав - "Фа цзин", "Канон законов", который хотя и не обнаружен до настоящего времени, но по традиции считается "законным" предком всех последующих китайских кодексов. В 1975 г. в местечке Шуйхуди уезда Юньмэн пров. Хубэй были найдены законодательные акты и административные постановления, относящиеся к династии Цинь (246-207 г. до н.э.), записанные на бамбуковых пластинках. Полагают, что это законодательные акты, которыми пользовался в своей судебной практике некий Си (262-217